

писи имеется целое предложение, которое выпало из парижской рукописи, но имеется в арабском тексте.

Паскуали считает, что подобные ошибки происходили главным образом потому, что выводы о зависимости одной рукописи от другой делались слишком поспешно, скорее априори, чем путем длительного и тщательного исследования всей рукописной традиции. Он приводит еще несколько примеров из истории древних текстов и обращает внимание на тот факт, что ученые-византийцы, люди, как правило, бедные, имели обыкновение пользоваться для переписки рукописей дешевым материалом, именно бумагой, бомбициной, писали плохими чернилами и мелким шрифтом, но старались точно передать текст, что является особенно ценным, а роскошные экземпляры писались для богатых особ ремесленниками каллиграфией, меньше всего заботившимися о содержании.

Рассматривая разные типы ошибок в тексте, с которыми приходится иметь дело при изучении рукописей, Паскуали отмечает, что для длинных прозаических текстов характерно то, что переписчики пропускают целую строку, что в разных случаях может иметь разное значение для смысла копируемого текста, в зависимости от того, будет ли это повторяющаяся математическая формула или предложение, меняющее смысл повествования. В каждом случае нужен особенно внимательный подход, так как случайное совпадение одной и той же строки в двух рукописях еще не дает права судить о их преемственности.

Что касается текстов поэтических, то тут всегда надо принимать во внимание то, что количество и расположение сколий на странице зависит от имеющегося там свободного места, что всегда может повлечь за собою иное расположение текста при снятии копии.

Паскуали настаивает на необходимости помнить, что греческие и латинские кодексы, составленные до эпохи Возрождения, большею частью написаны каллиграфами, выученными в специальных школах, и их письмо крайне бедно, почти совсем лишено индивидуальных особенностей.

Предположить, что более новая рукопись представляет собою копию рукописи более древней, можно лишь в следующем случае: если при сличении всей более новой рукописи с рукописью более древней не будут найдены признаки, доказывающие преемственность, но в то же время не будут обнаружены ни лучшие разночтения, ни особые расхождения, а также не будет и порчи текста, которая не может идти от более древней рукописи, а заставляет подозревать какую угодно, но отличающуюся, искаженную традицию.

Особенно тщательно нужно относиться к рукописям смешанного характера, сборникам, содержание которых в целом обязательно должно приниматься во внимание при изучении отдельных, входящих в данный конволют произведений.

Снова подтверждая свои положения примерами из истории изучения рукописей и публикаций последних десятилетий, Паскуали в конце главы еще раз пишет о том, что работа над элиминацией списков — не для тех, кто привык спешить и торопиться с выводами, что только длительное изучение всех излучин и обстоятельств существования рукописей в веках может привести и привело многих современных ученых к результатам, позволившим им исправить ошибки, допущенные прошлыми поколениями исследователей.

*

Четвертая глава (стр. 43—108), озаглавленная «Более новые, не более плохие. Гуманистические сличения и первые издания» («Recentiores, non